

УДК 9с(47.20)

Статья

НАЙМИТЫ И ИХ «ХОЗЯЕВА» В ОЛОНЕЦКИХ ПОЛКАХ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ (1649—1666)¹

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

младший научный сотрудник МНОЦ CARELiCA
Института Североевропейских исследований ПетрГУ,
преподаватель кафедры всеобщей истории
Исторического факультета ПетрГУ.

http://illmik.petsu.ru/illmik/Brusnitsina_CV_ru.html

Аннотация. Статья посвящена мало изученному до настоящего времени явлению, имевшему место в олонецких полках пашенных солдат — найму лиц, согласных за определённую плату нести службу вместо записанных в солдаты государственных крестьян. Изучение автором статьи актовых материалов из фондов «Олонецкая воеводская изба» (НА СПб ИИ РАН) и «Приказные дела старых лет» (РГАДА), а также переписных книг солдатского высыльщика И. С. Дивова 1657 г. позволило впервые установить документально подтверждаемое количество наймитов и их нанимателей в полках пашенных солдат, выяснить причины найма. На основе анализа поручных записей — договоров между наймитами и их «хозяевами» — выявлены различия в таких условиях как сроки найма, размер и порядок получения наймитами платы за службу. В статье показаны возможности определения социального и имущественного положения представителей обеих сторон, которые будут существенно расширены с внесением персонифицированной информации в составляемую автором электронную базу данных «Пашенные солдаты Олонецкого уезда» благодаря применению компьютерных методов для обработки внесенных сведений.

Ключевые слова: Олонецкий уезд, XVII век, полки нового строя, пашенные солдаты, наймиты

Введение

Полки пашенных солдат под командованием иноземных офицеров существовали в Олонецком уезде в период с 1649 по 1666 г. и были полностью укомплектованы из местных государственных крестьян, практически поголовно записанных на службу. Предполагалось, что вооруженные и обученные военному делу по новейшим западноевропейским образцам местные жители, заинтересованные в охране родной земли от набегов из-за рубежа, будут служить лучшей защитой неспокойной русско-шведской границы. Первоначально этим солдатам из числа государственных крестьян жалованья не полагалось, вместо этого их освободили от уплаты тягла — основного налога на крестьянское хозяйство².

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01225 а2

² Историографию о карельских пашенных солдатах см. в статьях Д. В. Брусницыной [21], [22], [23].

Крестьяне, оговорившие себе условие служить только «ближние службы», то есть в пограничных острожках, сначала видели для себя некую выгоду во введении солдатской службы в обмен на отмену тягла. Тем не менее, вскоре от пашенных солдат начали поступать челобитные с просьбами облегчить режим обучения, так как времени на сельскохозяйственные работы оставалось недостаточно. С началом войн с Польшей и Швецией (1654—1667, 1656—1658 гг.), когда олонецких солдат, вопреки договоренности, начали высыпать на театры боевых действий³, они стали сбегать или находить другие способы избежать высылки на службу: ставились в попы и дьяконы, постригались в монахи, нанимались в съезжую избу подьячими либо на должности приставов и пушкарей [19. Л. 17, 111; 20. Л. 672—673]. Законным способом освобождения от службы также было заключение договоров найма с лицами, согласными служить за определенную плату.

Источники

В данной статье будут представлены результаты исследовательской работы с актовыми материалами из фондов Научного архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее — НА СПб ИИ РАН) и Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), пристальное изучение которых автором привело к выявлению и накоплению новых, ранее неизвестных сведений о наймитах и их «хозяевах». Основное внимание в ходе анализа документальных свидетельств уделено причинам появления наймитов в олонецких полках, процедуре заключения сторонами договора с условиями найма, выявлению проблем во взаимоотношениях сторон, определению социального статуса наймитов и их «хозяев».

Историография

Обозначенные вопросы практически не изучены. Краткие сведения о проблеме наймитов в олонецких полках пашенных солдат приведены только в работах дореволюционного исследователя М. А. Островской и советского исследователя Р. Б. Мюллера.

М. А. Островская изучила отписки солдатского переписчика и высыльщика Ивана Семёновича Дивова, присланного в 1657 г. из Москвы в Олонецкий уезд с широкими полномочиями, в том числе для сыска и высылки на службу беглых солдат и для переписи всех категорий государственных крестьян: тех, которые годились к службе, и тех, кто по возрасту, состоянию здоровья или уровню обеспеченности был не годен⁴. В своей монографии исследовательница привела обширные цитаты из документов, в которых Дивов сообщал в Москву о жалобах государственных крестьян Олонецкого уезда на монастырских, нанимавшихся за плату служить вместо них, получавших плату вперед, а потом сбегавших и укрывавшихся в монастырских вотчинах [31; 84—85]. Р. Б. Мюллер выявила по документам, что размер платы за найм составлял от 20 до 30 рублей в год и на основании этого сделала вывод, что таким способом от службы освобождались зажиточные крестьяне [29; 139]. Это все, что до настоящего времени было известно по обозначенной теме.

Развитие практики найма среди пашенных солдат

На основании анализа источников нам удалось выявить двести сорок пять случаев найма с именами наймитов и их «хозяев» за период с 1657 по 1663 гг. Из них шестнадцать случаев зафиксированы в переписных книгах И. С. Дивова 1657 г., остальные двести двадцать девять — выявлены по актам Олонецкой воеводской избы (росписям солдат, поручным запи-

³ Некоторые сведения об участии олонецких полков пашенных солдат в войнах с Польшей и Швецией (1654—1667, 1656—1658) приводят в своих работах историки А. Ю. Жуков [24], Г. М. Коваленко [25], О. А. Курбатов [26], [27], А. В. Малов [28], А. А. Новосельский [30], И. А. Чернякова [32].

⁴ Более подробно о деятельности И. С. Дивова см. статью Д. В. Брусницыной [23].

сям по наймитам, челобитным, памятям и отпискам) за период с 1660 по 1663 гг. Выявленные данные, безусловно, не являются полными и обусловлены в первую очередь степенью сохранности документов дошедших до нас в составе фонда Олонецкой воеводской избы. Случаев найма, вероятно, было больше. Кроме того, не подлежит сомнению, что практика найма существовала не только в 1657—1663 гг., но и до, и после указанного периода.

Сама по себе идея найма солдат вместо тех, кто по возрасту или состоянию здоровья не мог нести военную службу пришла в голову олонецким воеводам — князю Ф. Ф. Волконскому и С. П. Елагину — еще в 1649 г. Тогда в ходе переписи населения они выяснили, что есть группа крестьян, не имевших возможности выставить из членов своей семьи, проживавших в одном дворе, ни одного солдата: это старики, бездетные вдовы, вдовы с малолетними детьми или больные,увечные крестьяне. Воеводы тогда предложили этим людям «наймать» кого-нибудь и выставить от своего двора. Однако идея не могла быть осуществлена, потому что у этих «маломочных» крестьян не было средств для найма [17. Л. 282]⁵.

Первое по времени документальное свидетельство о существовании наймитов среди пашенных солдат относится к 1655 г. Из отписки олонецкого воеводы А. В. Чоглокова, сохранившейся в фонде «Приказные дела старых лет» (РГАДА), выяснилось, что по государеву указу, присланному на Олонец 22 ноября 1655 г., воеводе было велено добрать в полк А. Гамолтона солдат до 2000 человек, при этом специально оговаривалось, что набирать следовало «из ученых солдат, а не из наемных бобылей, которые б тому солдатцкому строю на вычны» [18. Л. 331]. Значит, в 1655 г. пашенные солдаты олонецких полков уже пользовались услугами наймитов, в том числе нанимали бобылей, никогда солдатскому строю не обучавшихся. Вполне понятно негативное отношение полковых командиров к новобранцам, не владевшим военными навыками. Видимо, государев указ предписывавший не присыпать «наемных бобылей» последовал после поступления жалоб офицеров на их профессиональную непригодность к военной службе. Возможно, какое-то время этот указ соблюдался, однако спустя несколько лет — в 60-х гг. XVII в., когда русская армия несла особенно большие потери в войне с Польшей, — в олонецких полках пашенных солдат служили как минимум два десятка наймитов бобылей.

О том, что практика найма на солдатскую службу была широко распространена в Олонецком уезде и до 1657 г. свидетельствуют челобитные солдат и драгун, поданные И. С. Дивову, с жалобами на побеги их недобросовестных наймитов, в результате которых наниматели теряли и деньги, и освобождение от службы. В этих жалобах речь шла в основном о наймитах из числа монастырских и помещичьих крестьян, а также посадских людей.

Попытки решения проблемы бегства наймитов

Бегство наймитов со службы было серьезной проблемой во взаимоотношениях сторон. Для юридического закрепления прав и обязанностей наймитов и их «хозяев», санкций за неисполнение условий договора, в том числе для сведения вероятности побега к минимуму, применялось оформление поручных записей [21]. Обязательной составной частью поручной записи являлась фиксация имен людей, поручавшихся за наймита. В случае его побега именно на них ложилась ответственность по возмещению ущерба, причиненного побегом как «хозяину» наймита, так и государевой казне, если наймит сбежал с оружием, шубой или жалованием. Кроме того, один из поручителей должен был отправиться на службу вместо беглеца. Казалось бы, все предусмотрено, и «хозяин» наймита мог не беспокоиться о своей службе: если наймит сбежит, на службу отправят одного из его поручителей. Если сбежит

⁵ По царскому указу таких крестьян записали в отдельную категорию так называемых «охудальных крестьян», они не должны были служить солдатскую службу, но обязаны были платить «охудалое тягло».

этот поручитель, отправят второго или третьего. Поручителей могло быть по пять-шесть человек и даже больше. Однако солдатская служба была настолько непосильна для государственных крестьян Олонецкого уезда, что на практике все оказывалось гораздо сложнее. Поручители сами могли быть из числа пашенных солдат и в свою очередь могли быть отправлены на службу, либо их могли выслать вместо беглых солдат — их родственников. Некоторые могли оказаться старыми или больными. Кроме того, они могли просто сбежать от высылки, как это делали многие солдаты. В результате при невозможности выслать кого-нибудь из поручителей беглого наймита, не принимая во внимание никакие объяснения его нанимателя и его жалобы о потраченных на найм деньгах, самого «хозяина» наймита отправляли на службу в действующую армию. Кстати, пойманного позже беглого наймита тоже вновь отправляли на службу и разбирательства, кто из них должен служить, могли длиться достаточно долго. Обманутый «хозяин» наймита после возвращения со службы, если ему посчастливилось остаться в живых, мог подать жалобу в съезжую избу для взыскания с беглеца, если тот тоже был еще жив, или с его поручителями, уплаченные за найм деньги.

Условия найма: срок службы, размер платы

Из сохранившихся в фонде Олонецкой воеводской избы двадцати девяти поручных записей по наймитам выявлено, что обычно наймитов нанимали на год и сразу отдавали им плату за весь период службы. Только в двух поручных записях наемная плата выдавалась лишь на полгода вперед. В ходе настоящего исследования удалось выявить значительно более разнообразные по размеру суммы оплаты за найм, чем это было известно ранее из работы Р. Б. Мюллер: от 6,5 до 32 рублей. Это были большие деньги по тому времени⁶. Кроме уточнения размеров платы за найм, установлено, что речь не всегда шла об оплате за год.

В изученных поручных записях оплата за год службы наймита встречается от 6,5 до 24 рублей. Во всех случаях, когда размер платы был больше — от 26 да 32 рублей — наймит должен был служить «до государева полкового свального отпуску», то есть имел право вернуться домой только вместе с другими солдатами своего полка. Таким образом, срок службы мог оказаться очень большим. Из члобитной олонецких пашенных солдат, служивших в Юрьеве Ливонском и Кастре, известно, что в 1659 г. они находились на службе уже «шестой год без переменно» [20. Л. 149]. Если поручная запись оформлялась на таких условиях — служить «до отпуску», — и наймит получал такую крупную сумму денег за свою службу, ему не полагалось больше никакой доплаты, в отличие от наймитов, которых нанимали на один год. При оформлении найма на год, сумма оплаты была ниже, однако в случае, если наймита не отпускали из армии через год, ему полагалась доплата за каждый месяц отслуженный сверх оговоренного времени, исходя из расчета годовой оплаты пропорционально. Иногда прописывались условия, когда и кто мог получить эти деньги. В одном случае было указано, что деньги мог получить только сам наймит, вернувшись со службы, а его родственники не имели на них права: «А деньги иметь ему Омелки с него Федорка с службы пришед на Олонец, а окроме ево Омелки брату ево Омелкину и иному роду ево никому до тех денег дела нет» [7. Ст. 33, 34]. В других документах, наоборот, указывалось, что получать деньги должны были жена наймита, его отец или даже его поручители [7. Ст. 65, 72, 88]. В нескольких поручных записях фиксировалось, что в случае более раннего отпуска наймита со службы, наниматель не имел права требовать себе возврата части денег, но в одном документе было четко указано иное: если полк распустят из Новгорода, половину платы наймит должен будет вернуть нанимателю, но если полк выйдет из Новгорода в поход, даже недалеко, то вся сумма денег остается наймиту [7. Ст. 4, 5]. Таким образом, размер платы

⁶ На 10 рублей можно было купить двух лошадей по 5 рублей или пять коров по 2 рубля за голову [15. Л. 1].

мог зависеть от сложности службы: походная служба оценивалась выше, тем более, что в рассматриваемые годы выступление армии в поход означало участие в боевых действиях с противником.

Кстати, не всегда найм осуществлял сам солдат, желавший освободиться от службы. Документами зафиксированы случаи, когда в роли нанимателей выступали отец, брат и даже жена солдата-«нетчика». Именно они платили за найм. Возможно, сам «нетчик» в это время прятался от высыльщиков, а так как по существовавшей практике вместо беглого солдата на службу отправляли кого-то из его ближайших родственников, родственники-мужчины могли быть вынуждены прибегнуть к найму, чтобы самим не оказаться в солдатских рядах на войне, а жена беглого солдата могла таким образом уберечь от высылки на службу их подросшего сына.

Социальное и имущественное положение наймитов и их «хозяев»

Анализ росписей солдат показал, что в них могли вноситься исправления. Так, в некоторых случаях, когда вместо «солдата нетчика», высыльщики забирали на службу его отца, брата или дядю, и это уже было зафиксировано в росписи, иногда имя родственника в последующем зачеркивалось и дописывалась новая информация (обычно другим почерком и чернилами) — о посылке на службу наймита. Выглядела такая запись так: «в место Ивашка Веденихтова отец ево Ведешка Карпов наймит ево Дмитрейко Семенов» [12. Сст. 25] или «Ерасимко Лукьяннов, в ево место брат Юшко наймит Спиридонко Нефедьев» [5. Сст. 7]. Правомерно предположить, что в данных случаях найм был вынужденной мерой.

Здесь возникает вопрос: можно ли, основываясь лишь на оценке величины платы за найм, утверждать, что услугами наймитов пользовались только зажиточные крестьяне? Вполне возможно, что в некоторых случаях и небогатые крестьянские семьи, «залезали» в долговую кабалу, чтобы собрать необходимую для найма сумму ради освобождения родственника от высылки на дальнюю службу. Вот что о причинах оформления найма пашенными солдатами и драгунами сообщал в Москву в 1657 г. И. С. Дивов: «... для своею одиночества и болезней наймуют оне в свое место ...» [19. Л. 107].

В документах социальное и имущественное положение как наймитов, так и их нанимателей, обычно не указывалось. Такого рода информацию можно выявить, только собирая крупицы информации из актовых материалов, содержащих сведения о различных коллизиях из жизни местных жителей. Участниками этих коллизий могли оказаться интересующие нас наймиты и их «хозяева». Однако выявить искомые имена среди тысяч имен жителей Олонецкого уезда, зафиксированных в актах, очень сложно. Велика вероятность ошибиться при отожествлении одинаковых имен из одних документов с именами из других, потому что крестьянские имена и отчества часто повторялись, даже в пределах одной деревни. Тем не менее, три случая отожествления не вызывают сомнений. На основании проведенного анализа ряда документов из фонда Олонецкой воеводской избы установлено, что один из нанимателей был старостой [7. Сст. 77, 77об., 80, 80об., 82, 82об., 92, 92об.], а другой владел несколькими земельными участками [14. Сст. 1—19об.]. Логично думать, что оба они были зажиточными крестьянами. Еще один «хозяин» наймита, был сыном кузнеца, что также предполагает определенный уровень обеспеченности [6. Сст. 114].

Большая часть имен наймитов и их «хозяев» установлена по росписям солдат, в том числе беглых, и лиц, высланных на службу вместо сбежавших. Если кто-то из солдат посыпал на службу вместо себя наймита, обычно в списке эта замена фиксировалась такими фразами: «в место Оски Михайлова наймит Якимко Давыдов» [4. Сст. 68] или «Омоско Иванов, в ево

место наймит Нестерко Сысоев» [5. Сст. 3]. Как видно, дополнительной персональной информации из таких кратких записей не получить. Тем не менее, иногда в росписях встречаются поясняющие пометы писцов, которые могут свидетельствовать о принадлежности наймитов к определенной социальной группе населения, определенной местности или национальности.

Так, пометы «наймит охудалой крестьянин» [5. Сст. 3; 8. Сст. 41], «наймит бобыль» («наймит бобылек») [1. Сст. 3, 4, 98, 101; 3. Сст. 4, 16; 8. Сст. 39, 41; 9. Сст. 55, 56], «наймит солдат» [1. Сст. 2, 3, 17, 23, 101; 3. Сст. 10, 16, 83; 5. Сст. 6; 8. Сст. 39, 41, 47; 9. Сст. 55, 56] или «наймит солдатской захребетник» [9. Сст. 57] указывают на социальный статус наймитов. Очевидно, что шли служить по найму не только выходцы из социальных групп, освобожденных от солдатской службы, но и сами пашенные солдаты (те, из них, чья собственная очередь отправляться на службу еще не наступила).

Принадлежность наймитов к определенной национальности или местности устанавливается по таким пометам в росписях как «поляк» [1. Сст. 2, 17], «немчин» [4. Сст. 68], «корелянин» [11. Сст. 30], «олончанин» [5. Сст. 1; 13. Сст. 1об.], «оштянин» [2. Сст. 2], «великогубец» [3. Сст. 81], «сямозерец» [10. Сст. 35], «вытегорец» [6. Сст. 91]. Интересно, что определение «вытегорец» дано наймиту из росписи солдат Вытегорского же погоста, то есть все они были вытегорцами, однако писец обозначил это только напротив имени наймита, вероятно, желая подчеркнуть, что он был не чужой, а свой, местный житель. Трижды напротив имен наймитов встречается указание «сосед» [2. Сст. 2; 5. Сст. 1, 6].

Из отписок И. С. Дивова и поручных записей нам известно о наймитах из числа посадских людей, монастырских и помещичьих крестьян — категорий населения Олонецкого уезда, не привлекавшихся к службе пашенных солдат. В поручных записях помимо выше перечисленных категорий наймитов встречается еще одна — «юрьевские солдаты». Факт найма так называемых «юрьевских солдат» обращает на себя особое внимание. В исследованных документах таковых встретилось пять человек [7. Сст. 12, 21, 24, 88, 169]. Никогда прежде в историографии никем из исследователей не указывалось на льготу, которую получили олонецкие солдаты, воевавшие под Юрьевом Ливонским и попавшие в осаду, так называемые «юрьевские сидельцы». Эти пашенные солдаты по возвращении с театра военных действий на три года освобождались от обязанности служить [20. Л. 149об.]. Даже в тех случаях, когда возникала необходимость найти замену беглому солдату из числа его ближайших родственников, солдатские высыльщики не нарушили данную привилегию. Тем не менее, некоторые из таких солдат, уже закаленные в боях, по собственному желанию отправлялись на службу в качестве наймитов. По-видимому, они видели в получении платы за найм решение своих материальных проблем, как, вероятно, и прочие наймиты.

Выводы

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что необходимость в найме кого-либо вместо себя появилась у пашенных солдат с началом войны с Польшей в 1654 г., когда олонецкие полки были отправлены на театр боевых действий. Наймитов обычно нанимали на год или «до полкового отпуска» и давали всю сумму за найм вперед. Дополнительно уплачивались деньги за службу сверх оговоренного времени. Судя по количеству беглых солдат, обычна для того времени процедура — оформление поруки — часто не становилась единственной мерой в борьбе с побегами из армии, а поручители сами сбегали при приближении к их деревням сыщиков и высыльщиков. Это было самой главной проблемой во взаимоотношениях между наймитами и их «хозяевами».

Самым сложным, пока не решенным, вопросом является определение социального статуса большинства наймитов и их «хозяев» и выяснение обстоятельств их жизни. Только в некоторых случаях, названных в статье, точно известно, какое место они занимали в местном крестьянском сообществе или кем были по происхождению. Полагаем, что перспектива установления более точной персонифицированной информации о наймитах и их «хозяевах» связана с применением компьютерных технологий, в частности программы FileMaker Pro, на основе которой в настоящее время автором статьи составляется просопографическая база данных «Пашенные солдаты Олонецкого уезда». В эту базу данных вносятся все крупицы информации о пашенных солдатах, выявленные в актовых материалах и массовых источниках. Когда весь массив собранной информации будет проанализирован, возможно, обозначатся родственные связи тех наймитов и их «хозяев», о которых пока мы почти ничего не знаем, а следовательно, будет возможность установить их социальное и имущественное положение в местном крестьянском сообществе.

Источники и литература

НАУЧНЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

ФОНД 98. ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА

1. 1656, июля. — 1663, декабря 18. — Дело о солдатских разборах, а также о розыске и высылке на службу беглых солдат различных погостов Олонецкого уезда // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 72. Сст. 1—104.
2. [1659]. — Список сысканных беглых солдат и их наймитов полка боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского, а также отцов и братьев несысканных солдат // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 8 (б). Сст. 1—8.
3. 1659/60. — 1660, ноября 28. — Дело о розыске беглых солдат и драгун в разных погостах Олонецкого уезда и высылке на службу «нетчиков» и их родственников // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 4. Д. 1. Сст. 1—98.
4. 1659—1661, января 19. — Дело о розыске беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда и их возвращении на службу в полки // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 82. Сст. 1—97.
5. 1660, январь. — Именная роспись соседей и родственников беглых солдат и разысканных беглых солдат полка воеводы Ивана Андреевича Хованского, отправленных с поручиком Федором Ступиным и с Дмитрием Ивановым на службу в Великий Новгород // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (в). Сст. 1—16.
6. 1660, января 26. — Списки солдат разных погостов, поданные капитаном Кузьмой Миловановым // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (т). Сст. 112—115, 116 с об.
7. 1660, марта 6. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государеву службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 76. Сст. 1—172.
8. 1660, мая 18—27. — Именная роспись беглых солдат и драгун разных погостов, их родственников и «наймитов», разысканных новокрещеном Харламом Мевкелевым и майором Матвеем Викентьевым и объявившихся на Олонце // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (е). Сст. 37—51.
9. [1660], июня 17. — Именная роспись беглых драгун и солдат, их соседей, родственников и наймитов, прибывших на Олонец «по высылкам» и отправленных на службу с новокрещеном Агафоном Илметевым // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (з). Сст. 53—58.
10. 1660, августа 22. — ноября 2. — Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 83. Сст. 1—61.

11. 1660, сентябрь. — Отписка воеводы Терентия Мышецкого и дьяка Дружины Протопопова князю Григорию Семеновичу Куракину с сообщением об отправке разысканных беглых драгун и солдат в Великий Новгород на службу с новокрещеном Андреем Тахташевым с приложением именной росписи // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (о). Сст. 28—32, 36, 89.
12. 1660, сентябрь. — Отписка воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича Протопопова князю Григорию Семеновичу [Куракину] о посылке в Новгород с Микитой Ижериным беглых солдат, объявившихся на Олонце в разных числах сентября 1660 г. // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 20 (п). Сст. 24—27.
13. 1662, ноября 6. — Отписка воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича Протопопова царю Алексею Михайловичу о результатах сыска беглых солдат с оправданиями от обвинения в потакании беглым и бездействии // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (к). Сст. 1—10.
14. 1663, июня 19. — августа 12. — Дело об отводе земельного участка корельскому выходцу Куземке Левонтьеву в Олонецком погосте // К. 4. Д. 91. Сст. 1—19.
15. 1664, марта 23. — Челобитная крестьянина Шунгского погоста деревни Карпин наволок Гаврилы Афанасьева на крестьянина того же погоста Якова Мартемьянова и других, укравших у него жеребца, корову, шубу и другое имущество // НА СПб ИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 5. Д. 75. Сст. 1.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ФОНД 137. БОЯРСКИЕ И ГОРОДОВЫЕ КНИГИ.

16. Переписная книга солдат и крестьян Олонецкого, Заонежских и Лопских погostов переписи И. С. Дивова 1657 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л.

ФОНД 141. ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА СТАРЫХ ЛЕТ.

17. 1649. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для салдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. 368 л.
18. 1654. — Дело 1) О выдаче всех чинов военнослужащим иностранным людям жалованья и месчного корма; 2) О комплектовании полков и о высылке оных на стражение против Литвы; 3) О посылке в Олонец воеводою на место Василья Чоглокова столника Петра Пушкина и с ним в товарищах Гдовского воеводу Степана Елагина, а во Гдов воеводою Степана Нашокина // Ф. 141. 1654. Д. 100. 517 л.
19. 1657. — Дело о сыску олонецких беглых драгун и солдат, отписки и отпуски грамотам из приказу Тайных дел // Ф. 141. 1657. Д. 1. 121 л.
20. 1659. — Дело о выдаче Олонецким и Заонежским начальным людям казакам и солдатам государственного хлебного и денежного жалованья. Тут же и другие разные воинские дела разных городов солдатам // Ф. 141. 1659. Д. 19. 694 л.

ЛИТЕРАТУРА

21. Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 31. С. 104—118.
22. Брусницына Д. В. Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7. Т. 2. С. 31—33.
23. Брусницына Д. В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». 2012. № 21 (101). С. 108—117.
24. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. 256 с.

25. Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656–1658 гг.: Препринт докл. на Ученом совете Ин-та языка, литературы и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск, 1978. 79 с.
26. Курбатов О. А. С. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157—195.
27. Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила»: Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховицах. 1655 г. // Исторический архив. 2005. № 3. С. 196—216.
28. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
29. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. CCP, 1947. 176 с.
30. Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука, 1994. С. 117—135.
31. Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб.: Тип. гл. управления уделов, 1913. 496 с.
32. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 296 с.

Daria V. Brusnitsyna

Research Assistant, Interdisciplinary scientific-educational center CARELiCA,
Northern European Studies Institute of PetrSU,
Lecturer in the Department of General history of the Faculty of history of PetrSU

MERCENARIES AND THEIR “OWNERS” IN OLONETS REGIMENTS OF PLOUGHMEN SOLDIERS (1649—1666)

Abstract. The article is devoted to not enough studied phenomena of Olonets ploughmen soldiers’ regiments in the 2d half of the 17th century — hiring people that were agreed for payment to serve instead state peasants taken to soldiers. Studying the acts of the funds «Olonetskaya voevodskaya izba» (Scientific Archive of Saints-Petersburg Institute for History of Russian Academy of Science) and «Prikaznye dela starykh let» (Russian State Archive of Ancient Acts) and also the Census books of soldiers’ dispatcher I. S. Divov (1657) allowed to reveal in the sources mercenaries’ and their «owners’» quantity, to find out the reasons of hiring. Due to analyzing of guarantee acts — agreements between mercenaries and their «owners» — differences in such conditions as durability of service, amount of hiring payment and order of its receiving became known. Also displaying the possibilities to determinate social and property status of both parties that will be wider due to personal information inserting into created by the author an electronic database «Ploughmen soldiers of Olonetskii uezd» and using computer methods for processing inserted data.

Key words: *Olonetskii uezd, the 17th century, regular regiments, ploughmen soldiers, mercenaries*